

МИХАИЛ ЗЛОБИН

ГРЕШНИК

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
З-68

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Злобин, Михаил

З-68 Грешник: роман / Михаил Злобин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2023. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-156903-7

На протяжении веков и целых тысячелетий души томятся в аду. Они закаляются словно сталь в горниле бесконечной бойни друг с другом и низшими демонами. Ведь такова воля самого Дьявола. Целую вечность они рвут себе подобных на части, чтобы мгновением позже самим отправиться на следующий виток мучений. Но каждая новая агония, каждый поверженный враг, каждый новый круг ада — это опыт. Опыт, который невозможно получить простому смертному.

Для чего Князь Боли готовит несметные легионы поживших душ, наученных убивать себе подобных хоть голыми руками? А самое главное, какую миссию он собирается возложить на одного несчастного грешника и для чего подарил ему крылья?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156903-7

© Михаил Злобин, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Душа имеет свой вид, который подобен виду человека в его теле. Она имеет и главу, и персты, и руки, и ноги, и очи, и уши, словом, все члены, как и тело людское.

Глава 1

Камни. Обломки горной породы. Чахлые колючие кусты и мертвые деревья. Ноги несли меня вперед сквозь этот угнетающий пейзаж, невзирая на боль в израненных ступнях. На нее вообще перестаешь обращать внимание после первого тысячелетия в аду. Муки и страдания здесь настолько частые спутники, что к ним привыкаешь, как, например, к ощущению одежды на теле.

Очередной круг ада начался для меня не с пыток и истязаний. Похоже, демонам захотелось немного полениться, и они не стали охотиться на наши грешные души самостоятельно. Они просто натравили нас друг на друга, вручив каждому свою роль, и затаились, наблюдая за тем, как мы сами причиняем себе невыобразимые мучения. Обитатели Преисподней любили смотреть, как мы со слезами на глазах потрошим чужие души. Грешники остервенело рвали друг друга голыми руками, грызли зубами, пытаясь дотянуться до самых уязвимых мест, подбирали камни, сухие ветви или что угодно другое, с помощью чего можно было быстрее и вернее убить ближнего своего. Иногда злая воля здешних хозяев отправляла нас на поля забытых древних сражений, где посередь выбеленных временем костей земля была усыпана различным невидан-

ным оружием и доспехами. И вот тогда начиналась по-настоящему самозабвенная бойня.

И мы не могли поступить иначе. Не могли опустить рук и перестать разить любого, кто оказывался в поле зрения. Потому что за это следовало наказание. Адские твари не прощали неповиновения и карали за подобное малодушие крайне жестоко. А попадать в лапы демонов не хотел никто, уж поверьте. Лучше тысячу раз умереть от рук другой мятущейся души, чем один раз попасть в вертепы служителей Дьявола.

И за каждым таким яростным сражением крылось нечто большее, чем могло показаться на первый взгляд. Я неспроста упомянул про роли, ведь заставить одни души причинять страдания другим, это слишком просто. А коварные пособники Князя Тьмы не приемлют ничего простого. О, они всегда были поистине изощренными в своей демонической изобретательности. Демоны не просто заставляли нас раз за разом умирать и убивать, они еще и развлекались с разумами грешников, внушая привязанности, вселяя страхи или даже зажигая настоящие чувства. Естественно, последнее делалось исключительно для того, чтобы тень воодушевления и радости, которые ты не успел еще даже осознать, сменилась удушающим отчаянием и горем. Тем, что стремится утопить в своей чернильной темноте огрызки твоей личности.

Я просто бежал в неизвестность, старался избегать любых встреч, потому что это означало бы неминуемую схватку. Но делать это в таком густонаселенном месте, как ад, долго попросту невозможно. Вот и сейчас на моем пути оказалась сцепившаяся в смертельных объятиях парочка. Две души, мужчина и женщина, яростно боролись друг с другом. Они рычали, словно дикие звери, и неистово брыкались, стараясь нанести противнику наибольший урон. Их свирепая

одержимость и желание во что бы то ни стало уничтожить другого, ослепляли и шокировали. Даже мне было неприятно смотреть на них. Неприятно, но уже давно привычно.

Мужчина, видимо, провел в Преисподней значительно больше времени, нежели его соперница, потому что его движения были менее эмоциональны и не столь лихорадочны. Можно было даже сказать, что они в какой-то степени уверены и непоколебимы, пусть и не шибко умелые. А вот женщина периодически то замирала в нерешительности, то опускала занесенную для удара руку. А один раз и вовсе замешкалась, упустив прекрасный шанс вцепиться мужчине зубами в горло. Со стороны складывалось впечатление, что она не могла совладать со своими чувствами, а потому и сомневалась в каждой своей атаке. Не знаю, что творилось сейчас в ее разуме и что внушили ей дьявольские отродья. Быть может, ей сейчас казалось, что она дерется со своим возлюбленным или с братом, а то и вовсе с отцом. В ее мыслях сейчас словно бы непрерывно конфликтовали два абсолютно противоположных намерения, и я, как и любой другой грешник, знал, насколько сильно сдает душу подобная двойственность.

Но вот грешница совершила очередную ошибку, и ее соперник тут же воспользовался этой оплошностью. Он окончательно подмял ее под себя и тут же извлек откуда-то из-за спины свой маленький козырь. Это оказалась простая длинная толстая щепка, заостренная на одном конце. Такие валяются по округе в великом множестве, и при должном уровне сноровки ими можно колоть и протыкать ничуть не хуже, чем стилетом.

Взмах руки, и импровизированное орудие вонзается в глазницу поверженной женщины на полную

длину, заставляя ее тело выгнуться в долгой предсмертной судороге. Победитель этого неприглядного поединка не отпускал тело соперницы, продолжая удерживать ее, пока та окончательно не затихла и не обмякла под ним.

После одержанной победы мужчина, пошатываясь и дрожа, тяжело поднялся на ноги и с трудом заставил себя оторваться от созерцания своей жертвы. Наши взгляды встретились, и я увидел плещущуюся в его глазах боль, которая купалась в целом океане слез. Черты лица грешника оказались сведены судорогой непомерной горечи и отчаяния, а его губы непрестанно шептали: «За что?! Почему?! За что?!»

Что демоны внушили ему? Во что заставили поверить? Кем в его разуме была недавняя противница? Я не имел об этом ни малейшего представления. И даже размышлять на эту тему не хотел. Чем старательнее ты пытаешься отрешиться от всего происходящего в Преисподней, тем проще коротать здесь вечность.

Я не сбавлял скорости, когда проносился мимо гонимого грешника. Хотя на то, чтобы его повергнуть и отправить на новый круг ада, у меня уйдет не больше пары секунд, рисковать не хотелось. Пусть по сравнению со мной он и выглядел зеленым новичком, но всегда существовала опасность, что ко мне за эти мгновения подберется кто-нибудь позубастей. А умирать, знаете ли, даже в аду крайне паршиво...

Кроме того, я давно уже понял, что в подобном демоническом развлечении лучше максимально долго избегать схваток. Так ты страдать будешь намного меньше, чем если обитатели Царства Вечной Тьмы заставят тебя поверить в то, что ты собственными руками перебил всю свою семью, например. Но и усердствовать в этом не стоит. Если хоть одна тварь из мно-

гочисленного inferнального сонма заметит подобное отлынивание, проклинать свой «метод» я буду очень и очень долго.

Вообще, здесь в аду не было такого понятия, как «смерть», ведь все мы здесь давно уже были мертвы. Нас просто ждал следующий виток или круг Преисподней. Тем не менее наш слабый человеческий разум изо всех сил искал параллели с тем, что ему было известно. Поэтому гибель нам казалась вполне настоящей.

А чтобы мы не скучали и не привыкали, демоны постоянно создавали для нас целые миры, в которых мы раз за разом переживали самые жуткие и самые страшные эпизоды, какие только могла породить извращенная фантазия здешних властителей. Наши разумы для них были как холсты, на которых они красками боли и крови рисовали свои ужасающие картины. Твари Преисподней могли заставить нас поверить во что угодно, ведь мы целиком были в их власти. И в этом было их основное оружие, единственное предназначение которого истязать нас до скончания времен. Они дарили нам иллюзию жизни, чтобы потом растоптать и уничтожить ее.

Боже... жизнь. Как же давно это было? Сколько тысяч лет назад? Я не могу сказать даже приблизительно, потому что толком ничего о ней и не помню. В моем разуме уже бесконечно долго творился настоящий бедлам. Целую вечность мной игрались, как сломанной куклой, примеряя миллионы личин и внушая различные чувства. Я убивал других и умирал сам бесчисленное количество раз, давно уже позабыв, кем я был до всего этого кошмара. Я потерялся в своих воспоминаниях, не имея возможности отличить былую реальность от демонических иллюзий. Я настолько давно позабыл лицо матери, крепкое рукопожатие друга,

тепло губ возлюбленной и даже собственное имя, что мне начинало казаться, будто я никогда их и не знал.

Единственное, что я пронес с собой сквозь вечность истязаний, это память о своем последнем вздохе. Горячая ванна, словно наполненная томатным соком, бледно-зеленый кафель стен и мертвенно-бледные пальцы ног, выглядывающие из багровой воды. Именно эта картина оказалась настолько глубоко высечена в моем сознании, что ее не смогли вытравить даже изобретательные прислужники Сатаны. Хотя, быть может, мне, как самоубийце, полагалось до конца времен помнить и осознавать, за какой грех я был наказан? Этого я не узнал спустя неисчислимые годы посмертия. Тут никто не вел для нас богословских лекций, и многие так и не узнавали ничего о своих прижизненных ошибках.

И, видимо, никогда уже не узнают...

Все отвлеченные мысли выветрились из головы, когда наперерез мне метнулся чей-то смазанный силуэт. Я инстинктивно успел расслабить ноги, отчего мгновенно потерял равновесие и совсем неграциозно шлепнулся на землю. По инерции меня пронесло кубарем метра полтора. Острые камни и небо несколько раз поменялись местами, прежде чем я улучил удачный момент в этом казавшемся бесконтрольным со стороны падении. На очередном витке своего экстренного торможения, я напрягся, чтобы придать своему телу нужный импульс, и в следующую секунду меня уже воздело на ноги. Весь этот маневр занял у меня времени меньше, чем мгновение, которое разделяет два удара спокойного сердца. А все потому, что за столь длительное время пребывания в аду я научился поистине виртуозно управляться со своим телом в пространстве. Без преувеличения скажу, что за сотни лет подобных истребительных схваток и побегов от демонов мне удалось обрести грацию и ловкость куни-

цы, которая не снилась многим грешникам, с которыми меня сводила судьба.

Оказавшись на ногах, я моментально оценил внешний вид своего противника и расстояние до него, с тревогой отметив неимоверно теплое чувство, которое начало зарождаться где-то в области груди. Меня нагнала страждущая душа в облике женщины средних лет. У нее были открытые и располагающие глаза, обрамленные сеточкой мелких морщинок, и подернувшиеся сединой длинные волосы, собранные в тугий пучок. Весь ее вид вызывал во мне самые приятные и сладкие воспоминания. Уют. Нежность. Материнская ласка. Тепло ее объятий.

Мне остро захотелось кинуться незнакомке на шею и раствориться без остатка в ее любви, спрятавшись за ней, как за каменной стеной от всего этого ужаса, что меня окружает. Однако я уже прекрасно усвоил, что все это абсолютная и беспросветная ложь. Жестокий обман, который обитатели Преисподней навязывают мне своей мерзкой магией. Поэтому я безжалостно подавил в себе этот не только неуместный, но и опасный порыв, и приготовился к драке, по-волчьи выгнув спину и опустив голову. Перед собой я выставил руки с растопыренными пальцами и слегка согнул колени, чтобы иметь возможность мгновенно бросить свое тело в стремительный прыжок.

Узри мою нынешнюю стойку какой-нибудь бывалый чемпион по контактным видам спорта, он бы рухнул там, где стоял, хватаясь за живот от смеха. Ему она наверняка показалась бы невероятно нелепой и глупой, однако именно в такой дурацкой защитной позиции я мог предвосхитить практически любую атаку. Порой мне даже удавалось в таком положении устоять и против демонов, которые выходили поразмять на нас свои когти. Пусть недолго, но все же. Можно сказать,

что это был мой собственный стиль, за создание которого я платил тысячами своих смертей и долгими веками истязаний.

— Родной, почему ты от меня убегаешь? — Голос грешницы был женственным и низким, отзываясь приятной дрожью во всем теле. Желание кинуться в ее объятия стало еще сильнее, но я держался изо всех сил. — Иди ко мне, мой хороший! Пошли скорее домой, я приготовлю тебе что-нибудь вкусненькое!

Дама сделала шаг по направлению ко мне, призывно протянув раскрытую ладонь, словно приглашала меня вложить свою руку. Я сделал вид, что засомневался, и она тут же попыталась закрепить свой мнимый успех.

— Ты что, боишься меня, глупыш? Перестань, ты же знаешь, что я всегда буду тебя защищать...

Женщина сделала еще один шаг вперед, расплываясь в убийственно сочувствующей и всепрощающей улыбке, и я тут же ринулся ей навстречу. Ее глаза удивленно расширились, когда вместо того чтобы распластаться у нее на груди, обхватывая талию руками в жесте любящего сына, я с разбегу впечатал свой лоб ей в переносицу. Раздался неприятный хруст. Незнакомка потеряла равновесие и упала навзничь, глупо схватившись ладонями за лицо, вместо того чтобы пытаться защититься от моих следующих атак.

Где-то в глубине моего сознания внутренний протест поднялся настоящим цунами, сметая все преграды на своем пути. Он набатом стучал в висках, вопя раненой белугой: «Стой! Прекрати! Это неправильно! Она твоя мать!» И мне стоило больших усилий убедить себя в ошибочности этих мыслей. Будьте вы прокляты, мерзкие демоны со своими играми!

Жестко подавив демарш своей обманутой совести, которая всеми силами пыталась взывать ко мне, я пе-

реступил через упавшую противницу, попутно подцепив носком босой ногой с земли заостренный камень. Отработанным до обезьяньей проворности движением я подбросил его вверх и так же ловко поймал в ладонь. Не позволяя себе замешкаться ни на секунду, пока внушенные приспешниками Дьявола чувства не взяли надо мной верх, я с размаху швырнул свой снаряд, метя поверженной даме в висок. Поступить иначе я не мог, ведь эта грешница оказалась слишком настырной. Она уже дважды каким-то образом нагоняла меня и находила в бурном водовороте гремящего повсюду безумия. И у меня не было сомнений, что она сумеет сделать это снова. Например, когда я мог вступить в схватку с кем-нибудь еще. Так что ее следовало отправить на новый круг ради моего же спокойствия.

Параллельно с раздавшимся хрустом пробитого черепа сердце пропустило несколько ударов и тоскливо завывало от щемящей боли. Чувство потери любимого человека яростно рвануло мою грешную душу, словно клыки Цербера, но я заставил себя двигаться дальше и не оборачиваться.

«Это. Все. Ложь, — вдалбливал я себе как мантру, перешагивая через окровавленное тело. — Это неправда, и ты прекрасно это знаешь. За столько времени в аду пора бы уже и освоиться». Но вот именно освоиться здесь не получалось. Каждый новый круг, который некоторые грешники именовали «день» или «виток», демоны находили новые чувствительные струны наших душ, за которые увлеченно дергали, наслаждаясь нашими страданиями. К такому просто *невозможно* было привыкнуть, потому что ты не имел и малейшего понятия, куда отродья бездны ударят в следующий раз.

Пытаясь отгонять от себя мрачные мысли и грудью разбивать каждый новый порыв душевной скор-

би, я продолжал поиски места, где можно было бы ненадолго спрятаться. Разразившийся вокруг кровавый хаос не будет утихать еще долго, и в моих интересах попытаться от него скрыться подальше и поглубже. Выйти победителем в этом убийственном безумии и получить жалкую, но столь желанную награду я даже не надеялся. За все время моего нахождения в аду такое удалось мне лишь несколько раз. Блаженное бездействие... его достаивается только последний выживший грешник.

Помню те прекрасные мгновения, когда я валялся на спине, раскинув руки, а мое тело утопало в густо напитавшейся кровью земле. Во время того испытания умерли все, кроме меня, и за это Нечистые Хозяева позволили мне немного побыть наедине с самим собой.

Это было столь прекрасно, что даже одни только воспоминания о том миге выжимали слезы из моих невыразительных мертвых глаз. В кои-то веки я ни от кого не бежал, ни на кого не нападал, не защищался, не вгрызался в чужую плоть зубами, не стонал, стиснув челюсти, борясь с демоническими наваждениями. Я просто лежал и смотрел в иллюзорное небо того мира, который для нас сотворила магия баронов ада. Оно было прекрасно и безмятежно, словно не виделось всех тех ужасов, которые творили мы с остальными грешниками прямо под его куполом. И эти короткие моменты становились единственными просветами в этом вечном кошмаре. Как же хотелось еще хоть на долю секунды ощутить это неземное чувство покоя...

Не знаю откуда, но во мне воспрянула убежденность, что в нынешней бойне у меня есть неплохие шансы снова остаться последним. Я уже одолел на этом кругу семерых грешников, включая настырную даму, и до сих пор не получил ни единого увечья. Если

я сумею залечь где-нибудь, пока остальные ожесточенно истребляют друг друга, а потом выйду и добыю выживших, то смогу вновь насладиться этими...

Однако не успел я как следует посмаковать столь притягательную мысль, как прямо передо мной из ниоткуда материализовался самый настоящий бес. Он выглядел отвратительно, как и все остальные его собратья. Существо, похожее на лысую двуногую собаку с россыпью крохотных рожек, которые протыкали собой дряблую кожу черепашки, пялилось на меня мелкими полными исступленной злобы глазками. Бесы являли собой самую низшую форму жизни в Преисподней, и слабее них были только страждущие здесь души, а потому эти отродья нас ненавидели сильнее прочих демонов, поскольку только на нас они могли срывать свою жажду крови.

— Эй, греш-ш-шник, — злобно прошипело создание, лизнув собственный нос длинным раздвоенным языком, — подойди ко мне!

Не став удостаивать низшего демона ответом, я моментально принял свою необычную боевую стойку. Если эта мерзость решила, что нашла себе беззащитную жертву, то она сильно ошибается. Мириады смертных схваток ни для кого не могут пройти бесследно, и я уже успел отрастить себе клыки побольше, чем у этой низшей дряни.

— Не глупи, греш-ш-шник! — Глаза отродья полыхнули пламенем геенны, а на кончиках его когтистых морщинистых лап начали загораться оранжевые искорки. — Ты должен повиноваться, иначе тебя постигнет самая кошмарная участь, которую ты даже не сумеешь вообразить!

— Кому я должен, всем прощаю, — тихо прошептал я себе под нос, внимательно следя за каждым движением беса.

Меня не испугало его заявление, потому что каждая несчастная душа, угодившая в ад, знала, что нет здесь более лживых и подлых тварей, нежели эти. Так что я просто стал воспринимать его как очередное препятствие на пути к моей награде...

— Ч-ш-што ты там бормочешь, червяк?! Я сказал, подойди ко...

Существо прервалось на полуслове, потому что я, подгадав момент, бросился на него, осыпая градом беспорядочных, но неизменно болезненных ударов. За минувшие столетия я успел хорошо изучить слабые места не только у людей...

Создание Преисподней оглушительно зашипело, словно опрокинутый в костер кувшин с водой, и попыталось отогнать меня, махнув лапами, которые уже полыхали магическим огнем. Эту его атаку я пропустил мимо себя, по-змеиному извернувшись, и пламенеющие когти пронеслись в считанных миллиметрах от моего лица, опалая кожу жаром.

Бес, не ожидавший от меня такой прыти, успел удивленно что-то вякнуть, а в следующую секунду он уже получил от меня растопыренными пальцами по глазам и разъяренно заверещал. Существо попыталось отшатнуться от меня, но я не дал ему разорвать дистанцию, прыгнув следом, и свалил ослепленного противника наземь.

Вообще бесы были значительно сильнее любого грешника, и их животной мощи с лихвой хватало на то, чтобы играючи изорвать любого из нас в клочья, отправив в следующий виток истязаний. Однако особой сообразительностью и прытью эти отродья геенны не отличались, и зачастую они не могли ничего противопоставить бывалой страдающей душе. Как, например, сейчас...

Лысая уродливая собака корчилась подо мной, бестолково клацая зубами и слепо размахивая когтисты-

ми лапами, но ни одна его отчаянная атака не доставала меня. Я уворачивался от каждой, успевая заметить любой направленный в меня удар еще до его начала. А сам я, тем временем, без усталости вколачивал кулаки и локти в голову мерзкому созданию, превращая его и без того безобразную морду в нечто совершенно неопишное.

Однако, когда мои содранные о мелкие рожки и шипы руки уже нестерпимо жгло от попавшей на них крови низшего демона, когда с каждым новым ударом трепыхания твари становились все неуверенней, на мои плечи вдруг опустилась неосызаемая, но все же парализующая тяжесть. Словно меня как какого-то дикого таракана некто огромный и всемогущий зажал меж своих пальцев. Этому незримому сверхсуществованию требовалось добавить лишь один только намек на усилие, чтобы моя душа схлопнулась в кровавую лепешку, оставив после себя лишь бурые влажные подтеки.

Чувство тревоги хлестнуло по нервам многохвостым кнотом, и мне пришлось соскочить с недобитого беса, на ходу развернувшись на сто восемьдесят градусов, в ту сторону, откуда исходила эта непонятная тяжесть. А там происходило нечто совсем уж странное... нечто такое, чего я никогда еще не видел в аду. Пространство позади меня плыло, словно в раскаленной жгучими лучами солнца пустыне, и в этом мареве то и дело проскакивали крохотные разряды черных молний. И чем бы оно ни было, но я уверен, что ничего хорошего это мне не сулит...

Как подтверждение моим самым худшим опасениям и страхам, дрожание воздуха усилилось, обрастая все большим количеством темных вспышек. И через пару мгновений раздавшийся взрыв едва не снес меня с ног, вынуждая низко пригнуться к земле и закрыть лицо израненными руками. Когда же улегся рой мел-